

18+ Сергей Лебедев

Чужой берег

Сергей Лебедев

Чужой берег

«Издательские решения»

Лебедев С. А.

Чужой берег / С. А. Лебедев — «Издательские решения»,

Вера Соболева, девушка из заводского посёлка Сосновка, с детства мечтает о большой жизни. Она покоряет Ленинград, строит успешный бизнес, но за фасадом благополучия скрывается пустота. «Чужой берег» — это история о том, как мы ищем себя в других городах и людях, чтобы в конце концов обнаружить себя на пороге родного дома.

© Лебедев С. А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Наивность и предательство	7
Глава 1. Город на реке	7
— А мама?	8
— А ты?	8
— Нравится?	10
Глава 2. Фотограф	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Чужой берег

Сергей Александрович Лебедев

© Сергей Александрович Лебедев, 2026

ISBN 978-5-0070-1812-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чужой берег

Роман в трёх частях

Пролог

Вера никогда не любила вокзалы. Сейчас она стояла на железнодорожной платформе областного центра. «Домой, — подумала Вера. — Я еду домой в Сосновку». За спиной — тридцать лет жизни, сын, два города, три любовных романа, и один чемодан. Хороший, кожаный, когда-то подаренный Марком. Сейчас он казался ей издёвкой — такой же дорогой и ненужный, как все его обещания.

Сыпал мелкий, нудный дождь. Тот самый, который в столице называют «моросью». Вера подняла воротник пальто. Пальто было дорогое, итальянское, купленное в те времена, когда она считала, что статус нужно подтверждать одеждой. Теперь она чувствовала себя в нём неуютно.

На перроне, кроме неё и парня в кожанке под рэпера из лихих девяностых, никого не было. Вера посмотрела на табло. Электричка опаздывала на двадцать минут.

Она села на скамейку, поставила чемодан между колен и закрыла глаза. Дикая усталость, почти до состояния обморока. И глухое, тоскливое понимание, что круг замкнулся. Она уехала из родного дома в Сосновке в шестнадцать, вернулась в сорок шесть. Разница — тридцать лет и целая жизнь, которую она, кажется, прожила не ту.

Дождь забарабанил сильнее. Вера машинально потянулась в карман за зонтом, но нащупала только связку ключей от квартиры в Москве и от офиса на Профсоюзной, где когда-то сидело её маленькое, но гордое производство. Квартиру пришлось продать, чтобы расплатиться с долгами Аркадия.

Стыдно. Она не поехала на похороны отца — тогда у неё был запуск новой линии, и Аркадий сказал: «Верка, ты чего, бизнес бросишь ради того, чтобы поплакать над гробом? Он уже ничего не чувствует». Она послушалась. И теперь это чувство вины не давало ей покоя.

Электричка подошла, лязгнув тормозами. Вера взяла чемодан, поднялась на подножку и, прежде чем войти в тёмный тамбур, обернулась.

— Девушка, вы заходите? — крикнула из тамбура проводница. — Холодно же!

Вера кивнула, перешагнула порог, и дверь за ней закрылась с тяжелым, окончательным стуком.

Поезд тронулся.

Она зашла в купе, поставила чемодан на верхнюю полку и села у окна. За стеклом, в серой мгле, проплывали берёзы, столбы, сараи, остановки с названиями, которые она помнила с детства.

Вера смотрела на них и чувствовала, как с неё, слой за слоем, слезает та самая «Вера Соболева», которую знали партнёры по бизнесу, любовники, подруги по фитнес-клубу, налоговые инспекторы и банкиры. Но остаётся кто-то другой. Верка, дочка токаря Соболева, которая когда-то мечтала о шкатулке с секретом.

Она вытащила из сумки телефон. Сын, Алексей, не отвечал. Десятый раз за сегодня. Он знал, что она едет. Сказал по телефону: «Мама, я не могу. У меня экзамены». Но в голосе было другое. Отчуждение. Стыд. Сын стыдился её краха так же, как когда-то в детстве стыдился её успеха, потому что в школе шептались: «У твоей мамы бизнес, наверное, она воровка».

Она не была воровкой. Она была работягой. Просто в этой стране любой, кто чего-то добивался, автоматически становился «вором» или «проходимцем». А она всего лишь вкалывала по шестнадцать часов, пока другие пили портвейн в подъездах.

Вера вздохнула и убрала телефон. Электричка мерно стучала колёсами. За окном темно. На въезде в Сосновку, поезд замедлил ход. Она увидела знакомый силуэт — старую водонапорную башню, возле которой они с отцом каждое воскресенье ловили карасей.

Она зажмурилась, чтобы не заплакать, и вдруг, совершенно неожиданно для себя, улыбнулась.

Потому что вспомнила, как впервые в жизни увидела Марка. И как он сказал ей тогда, с той своей ленинградской усмешкой: «Вера? Какое древнее имя. Но тебе идёт. В тебе есть что-то... былинное».

Былинное. Вот дурак.

Вера открыла глаза и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Женщина с резкими морщинами у рта, с сединой в темных волосах, с тяжелым, уставшим взглядом. Былинная. Скорее уж, былинное чучело.

Поезд дёрнулся, и она ткнулась лбом в стекло. По лбу разлился холод. Она не отодвинулась. Так и сидела, прижавшись к холодному стеклу, чувствуя, как внутри, где-то глубоко, ворочается что-то живое, что-то, что она считала умершим много лет назад.

Воспоминания.

Они нахлынули внезапно, как тот самый дождь на платформе. И, как от дождя, от них нельзя было укрыться.

Часть первая. Наивность и предательство

Глава 1. Город на реке

1987 год. Сосновка.

Поселок Сосновка раскинулся внизу, у реки. Серые пятиэтажки, красные корпуса завода, труба ТЭЦ, дымящая в низкое небо. Ничего красивого и поэтичного. Но когда Вера была маленькой, ей казалось, что эта труба — маяк, а завод — огромный корабль, который увозит всех взрослых в таинственное плавание под названием «работа».

Потом она выросла и поняла, что никакого плавания нет. Есть проходная, есть вахта с вечно пьяным вахтером дядей Мишей, есть цеха, где масляный туман въедается в волосы так, что не отмыть.

И все равно. Сейчас, глядя на эту трубу, Вера чувствовала странную, почти физическую тоску по тому времени, когда её будущее было чистым листом. Ещё не испорченным ни Марком, ни Аркадием, ни этой проклятой гонкой за «высоким положением».

Вера Соболева ненавидела свой город по понедельникам.

В понедельник завод гудел особенно тоскливо, из труб валил густой бурый дым, и все женщины на улице выглядели одинаково — в синих халатах и косынках, с уставшими лицами. Казалось, весь мир выкрашен в серый цвет. Только река, огибавшая поселок с юга, оставалась синей, но и она к осени становилась свинцового цвета.

Вере было шестнадцать. Она училась в десятом классе, носила форму коричневого цвета, которую ненавидела, и мечтала о том, чтобы уехать. Куда угодно. В Ленинград, в Москву, даже в этот проклятый областной центр — лишь бы не видеть больше эти серые пятиэтажки, этот вечный запах мазута из заводских цехов и очереди в гастрономе, где мать каждый день по часу стояла за хлебом.

Мать, Клавдия Соболева, работала на заводе учетчицей. Это была маленькая, сухая женщина с жёстким взглядом и руками, вечно пахнувшими мастикой. Она считала, что жизнь — это долг, и дочь должна усвоить это с пелёнок.

— Не выдумывай, Вера, — говорила она, когда Вера заводила разговор о поступлении в столичный вуз. — Куда ты поедешь? У нас в политехническом хороший факультет. Выучишься на инженера, пойдешь на завод. У нас династия.

Династия. Это слово приводило Веру в бешенство. Династия Соболевых — три поколения токарей, фрезеровщиков и учётчиц. Дед погиб на войне, отец пропал в цехах, мать считала гайки. Какая это династия? Это кабала.

Но спорить с матерью было бесполезно. Клавдия не кричала, не била. Она просто давила молчанием, тяжёлым, как те самые гайки, которые она пересчитывала. И Вера молчала. Училась на отлично, подрабатывала в библиотеке, по вечерам читала стихи Ахматовой и представляла себе Невский проспект, которого никогда не видела.

Единственным человеком, который её понимал, был отец, Алексей Соболев.

Он возвращался с работы поздно, садился на табуретку в коридоре, стягивал промасленную робу и говорил:

— Ну, дочка, что нового в мире?

И Вера вываливала на него всё. Про учительницу литературы, которая назвала её «высочкой» за сочинение о Пушкине. Про девчонок во дворе, которые смеялись над её «интеллигентскими» замашками. Про то, как она мечтает увидеть настоящий театр, а не клуб имени Горького, где по субботам крутят одни и те же индийские фильмы.

Отец слушал, курил «Беломор» и кивал. У него было лицо человека, который всю жизнь делает что-то чужое, а своё, так и не нашёл. В молодости он хотел быть геологом, ездить по тайге, искать нефть. Но война, потом голод, потом завод — и всё, мечты закончились.

— Ты езжай, Верка, — сказал он однажды, когда мать ушла к соседке. — Езжай, не слушай никого. У тебя голова светлая. Ты не для гайковерта.

— А мама?

— Мама... — Отец затянулся, выпустил дым в потолок. — Мама боится. Ей страшно, что ты уедешь и пропадёшь. Или станешь не такой, как мы. Ей легче, когда ты рядом, под присмотром.

— А ты?

Отец посмотрел на неё. В его серых глазах, выцветших от заводской пыли, блеснуло что-то молодое, то, что он, наверное, спрятал много лет назад.

— А я хочу, чтобы ты была счастлива. Даже если для этого придётся стать «не такой».

Этот разговор стал для Веры чем-то вроде благословения. Она решила: буду поступать в Ленинград. На журфак. Она будет писать. Она расскажет про этот серый посёлок, про людей, которые живут в нём, про их тихое отчаяние и большую любовь, о которой никто не говорит.

Она готовилась к экзаменам с остервенением. По ночам, при свете настольной лампы, учила правила, писала сочинения, читала Блока и Мандельштама, которых в школьной программе не было. Мать ворчала, что «лампочку жжёт», но не запрещала. Отец иногда подсаживался рядом, молчал и слушал, как она читает вслух.

— Хорошо, — говорил он. — Красиво.

И Вера верила, что у неё получится.

Но жизнь, как это часто бывает, распорядилась иначе.

Однажды, в конце октября, когда уже выпал первый снег, в школе повесили объявление: в областном центре открываются подготовительные курсы для поступающих в Ленинградский университет. Нужно было съездить, записаться, сдать вступительный взнос.

Вера пришла домой сияющая.

— Мам, пап, мне нужно триста рублей на курсы! Это шанс!

Мать помолчала, переглянулась с отцом.

— Нет у нас трехсот рублей, Вера, — сказала она спокойно. — Твоя подработка в библиотеке — пятнадцать. Я получаю сто двадцать. Отец — сто пятьдесят. На жизнь уходит всё.

— Но я могу... я буду работать!

— Работать? — Клавдия поджала губы. — Кем? Ты школу закончи сначала. И потом, эти курсы... никто не знает, что это за курсы. Может, обман. А может, ты съездишь, а потом не поступишь. Деньги на ветер.

Вера посмотрела на отца. Тот сидел, опустив голову, и мял в руках шапку. Он не мог ничего сказать. Для семьи токаря и учётчицы это были огромные деньги.

— Я сама заработаю, — сказала Вера тихо.

— Чем? — Мать усмехнулась. — Гаданием?

Вера промолчала. Она вышла из кухни, закрылась в своей комнате, села на кровать и уставилась в стену, на которой висела репродукция «Девятого вала» — единственное украшение, подаренное отцом.

Она не плакала. Она просто сидела и чувствовала, как где-то внутри затягивается узел. Тот самый, который потом будет сопровождать её всю жизнь: я хочу — но не могу. Я достойна — но мне не дают. Я буду биться — но у меня нет оружия.

На следующий день, после школы, она пошла в Дом культуры, где висело объявление о наборе на вечерние курсы машинописи. Это было бесплатно, но давало возможность потом устроиться секретаршей-машинисткой. Вера записалась. Она решила: буду учиться печатать вслепую, потом, летом, пойду работать в заводоуправление, накоплю, и через год все равно поеду.

Ей было шестнадцать, и она верила, что один год — это не срок. Что она успеет все.

Она не знала тогда, что год — это вечность. Что за этот год произойдут события, которые перевернут её жизнь. И всё начнётся с фотографии.

В марте, накануне Восьмого марта, в Доме культуры открылась фотовыставка. Привезли из областного центра каких-то молодых авторов, «новую волну», как сказала учительница рисования, которая всех этих авторов ненавидела, потому что они снимали не «производственные будни», а какие-то «декадентские штуки».

Вера пошла на выставку из любопытства.

И там, в полутемном фойе, среди фотокартин, которые изображали старые дома, заброшенные церкви и странные лица, она увидела её.

Фотокартина называлась «Провинция. Ожидание». На ней была запечатлена девушка у окна. Свет падал так, что половина лица оставалась в тени, но вторая половина — скула, глаз, губы — была выхвачена резко, почти агрессивно. Девушка смотрела не в камеру, а куда-то вверх, на карниз, и в этом взгляде было столько тоски, столько надежды, что Вера замерла.

Она узнала в этой девушке себя. Не внешне. Но внутренне. То самое ожидание, которое живёт в каждом, кто заперт в сером, провинциальном городе и верит, что за горизонтом есть другая жизнь.

— Нравится?

Голос раздался сбоку, почти у уха. Вера вздрогнула и обернулась.

Рядом стоял молодой человек. Высокий, худой, с длинными волосами, зачёсанными назад, и в очках с тонкой металлической оправой. Он был одет в длинный чёрный плащ. Такой в Сосновке никто не носил. Пахло от него не мазутом, а табаком и чем-то ещё — может быть, дорогим одеколоном.

— Это ваша работа? — спросила Вера.

— Моя, — он улыбнулся. Улыбка у него была странная — быстрая, чуть насмешливая, но не злая. — Марк Полянский. Приехал из Ленинграда.

— Из Ленинграда? — Вера почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Ленинград. Город, о котором она читала в книгах. Город, куда она собиралась поступать.

— А вы? — он чуть склонил голову набок, рассматривая её. — Вы местная?

— Да. Я учусь в школе. В десятом.

— И вам нравится это? — он кивнул на свою фотографию.

— Очень, — Вера почувствовала, что краснеет. — Там... там есть то, что я чувствую. Я не могу это назвать. Ожидание. Да. Ожидание.

Марк посмотрел на неё внимательно, долго. Потом достал из кармана плаща пачку сигарет, вынул одну, но закуривать не стал, только покрутил в пальцах.

— Хотите, я вас снимаю? — спросил он неожиданно.

— Меня? — Вера растерялась.

— Да. У вас интересное лицо. С характером. Не гладкое. В нем есть история, хотя вы ещё совсем ребёнок.

— Я не ребёнок, — обиделась Вера.

— Извините, — он снова улыбнулся, и на этот раз в улыбке не было насмешки. — Взрослая женщина. И все же — хотите?

Вера хотела сказать «нет». В ней проснулась обычная сосновская осторожность, переданная матерью: «Не связывайся с чужими, особенно с приезжими, они все шарлатаны». Но что-то другое, более сильное, сказало «да».

— Хочу, — выдохнула она.

— Отлично. Завтра в три. У Дома культуры. Я покажу вам, как это делается.

Он кивнул, развернулся и ушёл, оставив после себя запах табака и ещё чего-то неуловимого.

Она стояла перед фотографией, смотрела на девушку у окна и чувствовала, как в груди разливается тепло. Не то, которое бывает от любви. А то, которое бывает от предчувствия того, что граница между её серым миром и тем, большим миром, вдруг стала тоньше.

Она ещё не знала, что Марк Полянский — это не билет в Ленинград. Это билет в ловушку. Что его красивый профиль, его ленинградский выговор, его длинные пальцы, которыми он крутил сигарету, — все это только обложка, за которой нет ничего.

Но в шестнадцать лет обложка кажется содержанием. И Вера Соболева, дочь токаря и учёткицы, верила в чудеса.

Она верила, что если очень сильно захотеть, то можно поймать журавля в небе, даже если всю жизнь держала в руках только синицу.

Глава 2. Фотограф

На следующий день ровно в три часа дня, Вера уже стояла у Дома культуры.

Она надела своё лучшее платье — синее, с белым воротничком, которое мать сшила ей к выпускному. Волосы распустила, хотя обычно ходила с косичкой. И даже чуть-чуть подкрасила ресницы тушью, которую тайком купила в сельпо.

Марк ждал ее на скамейке. Он сидел, закинув ногу на ногу, курил и что-то записывал в маленький блокнот. Увидев Веру, он убрал блокнот и улыбнулся.

— Пришли. А я боялся, что передумаете.

— Я не из тех, кто передумывает, — сказала Вера твердо.

— Это хорошо. — Он встал, отряхнул плащ. — Пойдёмте. Я нашёл место.

Они пошли через весь посёлок. Марк шагал быстро, не оглядываясь, и Вера едва поспевала за ним. Она смотрела на его спину — широкие плечи, узкая талия, плащ развеивается на ветру — и чувствовала себя Золушкой, которая идёт на бал.

Они вышли к реке, к старому причалу, где когда-то грузили лес, а теперь только ржавели баржи. Марк остановился, огляделся.

— Здесь. Встаньте вон там, у края.

Вера подошла к краю причала. Внизу плескалась холодная мартовская вода, на той стороне реки темнел лес, а над ними нависало низкое, тяжёлое небо.

— Не смотрите в камеру, — сказал Марк, наводя объектив. — Смотрите туда. За реку. Думайте о том, чего вы хотите больше всего на свете.

Вера посмотрела за реку. Там, за лесом, была дорога на областной центр, а дальше — Ленинград, Москва, весь мир. Она подумала о том, как уедет, как будет учиться, как станет кем-то. Не просто «Соболевой Верой», дочкой токаря. А кем-то, чьё имя будут знать.

— Хорошо, — услышала она голос Марка. — Замечательно. Не двигайтесь.

Щелчок затвора показался ей выстрелом. Тем, который отсекает прошлое и начинает будущее.

Они снимали около часа. Марк то просил её сесть на ржавую бочку, то встать на фоне покосившегося забора, то просто идти по дорожке, не глядя на него. Вера делала все, что он говорил, и чувствовала себя не девчонкой из Сосновки, а моделью, героиней, кем-то значительным.

Потом они сидели на той же скамейке у Дома культуры, и Марк показывал ей снимки — у него был Polaroid, диковинка, которую в Сосновке никто не видел.

— Смотрите, — говорил он, вытаскивая карточку. — Это вы. Не та, которая ходит в школу. А та, которая живёт у вас внутри.

Вера смотрела на своё изображение и не узнавала себя. На снимке была не просто девушка у реки. На снимке была тоска, ожидание, злость, надежда — все сразу. Глаза, которые она считала просто серыми, на фотографии стали глубокими, почти чёрными.

— Как вы это сделали? — спросила она тихо.

— Я не сделал. Это вы, — Марк взял ее за руку. Пальцы у него были холодные, но рука была твёрдой. — Понимаете, Вера, камера не врёт. Она показывает то, что есть. Просто мы обычно не умеем смотреть.

Вера не убрала руку. Она сидела, чувствуя его пальцы на своей ладони, и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть это странное, новое чувство.

— Вы правда из Ленинграда? — спросила она, чтобы что-то сказать.

— Правда. Но сейчас живу в областном. Работаю в газете. Фотокорреспондентом.

— В газете? — Вера округлила глаза. — В «Знамени труда»?

— Ну, не в «Правде», конечно, — усмехнулся Марк. — Но пока и так сойдёт. Надо же с чего-то начинать.

— А почему вы приехали в Сосновку?

— По заданию. Делаю репортаж о заводе. Юбилей у вас скоро, тридцать лет. Будут праздники, торжества. Меня послали сделать фотоснимки.

Он сказал это с таким видом, будто завод — это что-то скучное и незначительное, а он — великий художник, вынужденный заниматься ерундой. Вера это чувство поняла. Она сама так же смотрела на свой посёлок.

— А вы надолго? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Дней на пять. Может, на неделю. — Марк отпустил её руку и закурил. — Но я бы хотел вас ещё поснимать. Если вы не против.

— Не против, — выпалила Вера слишком быстро и тут же покраснела.

Марк посмотрел на неё поверх очков, и в его взгляде мелькнуло что-то — насмешка? интерес? — но он ничего не сказал. Только улыбнулся своей быстрой улыбкой.

— Тогда завтра. В это же время.

Вера пришла домой в полной уверенности, что никто не узнает об их встрече. Но от матери невозможно было ничего скрыть.

— Где была? — спросила Клавдия, не поднимая головы от кастрюли.

— В библиотеке. Учебники брала.

— Врёшь. — Мать обернулась. — У тебя лицо другое. Глаза блестят. С кем ты была?

— Ни с кем.

— Вера. — Голос Клавдии стал жёстким. — Я не дура. В посёлке все всё видят. Тебя видели с каким-то длинным. Фотографом из города.

Вера замерла. В Сосновке действительно всё всё видели. Каждый шаг, каждый взгляд, каждый вздох. Это была не жизнь, а панорамное стекло.

— Он делает репортаж о заводе, — сказала Вера. — Он меня сфотографировал. Для газеты.

— Для какой газеты? — Клавдия подошла к ней вплотную. — Вера, ты девочка умная, но глупая. Эти городские — они приезжают, кружат голову, а потом уезжают. И что тебе останется? Стыд?

— Мама! — Вера отшатнулась. — Ничего такого нет! Он просто фотографирует!

— Смотри, — Клавдия покачала головой. — Смотри, Вера. Ты у нас одна. Я за тебя отвечаю перед Богом и людьми.

Она отвернулась и продолжила чистить картошку. А Вера ушла в свою комнату, села на кровать и долго смотрела на репродукцию «Девятого вала». Она злилась на мать, но где-то в глубине души понимала, что та права. Марк — чужой. Он уедет. А она останется.

Но ей было шестнадцать. И она хотела чуда.

Они встречались ещё три дня. Марк снимал ее на фоне заводских труб, на фоне покосившихся домов, на фоне реки и леса. Он рассказывал о Ленинграде — о Невском, об Эрмитаже, о белых ночах, когда город становится похожим на сон. Вера слушала, раскрыв рот, и впитывала каждое слово.

— А вы возьмёте меня с собой? — спросила она однажды.

Марк засмеялся.

— В Ленинград? Ты же еще школу не закончила.

— Я закончу. Я поступлю. На журфак. И буду писать.

— Писать? — Марк удивленно поднял брови. — А я думал, ты по технической части, как все здесь.

— Я не как все! — Вера почувствовала обиду. — Я хочу быть писателем. Или журналистом. Я хочу рассказывать правду.

— Какую правду?

— Про нас. Про Сосновку. Про то, как люди живут. Про то, что они чувствуют. Про то, как они ждут.

Марк замолчал, рассматривая её. Потом сказал медленно:

— Знаешь, Вера, а ты действительно не такая. В тебе есть... стержень. Это редко бывает в провинции. Здесь люди либо ломаются, либо тупеют.

— Я не сломаюсь, — сказала Вера.

— Посмотрим, — усмехнулся Марк.

В последний день, перед его отъездом, они снова сидели на скамейке у Дома культуры. Марк достал Polaroid и сделал последний снимок — их двоих. Вера сидела рядом с ним, чуть прижавшись к плечу, и улыбалась. Он смотрел в камеру серьёзно, с тем своим странным выражением, которое Вера принимала за глубину.

— Держи, — сказал он, протягивая карточку. — На память.

Вера взяла снимок дрожащими руками. На обратной стороне было написано: «Вере, которая ждёт. Марк. Сосновка, 1987».

— Я напишу вам, — сказала она.

— Напиши, — кивнул Марк. — Я дам адрес.

Он достал блокнот, вырвал листок, написал что-то и протянул ей. Вера спрятала бумажку в карман, как самую большую драгоценность.

Марк уехал вечерним автобусом. Вера стояла на остановке, смотрела, как автобус исчезает в темноте, и чувствовала, как внутри разрастается пустота. Такая же, как на фотографии девушки у окна. Только теперь она знала, что хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.